

реализации принципа свободы совести. Так, С.Н. Астапов отмечает «противоречие между правовым и этнокультурным измерениями места религиозных объединений в обществе. С правовой точки зрения все религии равны, тогда как с культурно-исторической — признается особая (консолидирующая) роль отдельных религий в формировании народа, нации, государства и, как следствие, их социальный приоритет. Поэтому государственная политика ориентирована на взаимодействие с отдельными религиозными организациями в плане духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан. В России первое место среди таких организаций занимает Русская православная церковь Московского патриархата»¹.

Последовательное проведение принципа отделения религии от сферы государственной жизни сталкивается с многочисленными проблемами. Возникает вопрос, а что же происходит с трактовками свободы совести в этой новой по содержанию реальности? Сохраняет ли свои смыслы этот принцип, на который опирался весь опыт социальной политики эпохи секуляризма?

Социальная политика государства — многоаспектное явление. Здесь, наряду с обеспечением прав на труд, отдых, образование и других, важное значение приобретает вопрос безопасного существования. Проблемы безопасности тесно связаны с правоохранительными функциями государства. Соответственно, правоохранительные органы получают задачу поиска источников угроз и конфронтаций, в том числе и в сфере религиозной жизни. Так, одной из опасностей становится осуществление экстремистской деятельности, для которой, однако, не обнаруживается универсальных критериев и маркеров. Это вызывает трудности в реализации законодательства.

В 2019 году ОБСЕ был подготовлен новый документ «Свобода религий или убеждений и безопасность. Руководство по вопросам политики»², анализируя который О.К. Шиманская приходит к выводу, что в этом документе «человеческое измерение безопасности переосмыслено с учетом новых вызовов и угроз. Одна из этих угроз — конфликт между личной, общественной, национальной и иными измерениями безопасности и правом человека на свободу религии или убеждений. Новый документ Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ направлен на осуществление политики толерантности в полисубъектной социально-политической и культурной реальности»³. Нет сомнений в том, что свобода совести в качестве свободы убеждений, права быть верующим или неверующим человеком сохранит свой потенциал как основа социальной политики демократического государства.

Собко Руслан Васильевич (иеромонах Лаврентий), кандидат философских наук, доцент кафедры философии и богословия Нижегородской духовной семинарии

Социальное государство: историческая и богословская ретроспектива

Наша дискуссия посвящена справедливости и социальному государству. Эти два понятия, как кажется, являются ключевыми для русской культуры. Можно даже сказать, что именно поиск справедливости и социального государства стал в какой-то степени причиной сначала Великой русской революции, а спустя время и распада Союза Советских Социалистических Республик. Социальный в переводе с латинского обозначает общественный, если же поискать это слово в религиозных текстах, то *socius* может переводиться как ближний. Такое же многозначное и многополярное слово — *communis* — общий или, если точнее, совместный. Слово настолько религиозное, что самое главное христианское таинство называется *communio*. О христианской подоплеке коммунизма размышляли как сами коммунисты, так и религиозные философы. Можно ли считать, что Союз Социалистических республик был социальным государством? Этот вопрос дискуссионный, однако, несомненно, СССР изначально был запланирован таким государством.

Более того, именно религиозный или псевдорелигиозный характер изначальной советской идеологии позволил ей привлечь на свою сторону крестьян, которые представляли собой самую боль-

1 Астапов С.Н. Религия и право в постсекулярном российском обществе // Философия права. 2016. № 5. С. 28.

2 Свобода религий или убеждений и безопасность. Руководство по вопросам политики. URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/436577> (дата обращения: 17.10.2020).

3 Шиманская О.К. Сочетание свободы религии, убеждений и безопасности: новое прочтение ОБСЕ // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 1. С. 112.

шую часть народонаселения бывшей Российской империи. Во Христе нет ни эллина, ни иудея, ни мужчины, ни женщины, ни раба, ни свободного — то, что, собственно, предлагал жителям Российской империи социализм или коммунизм. Более того, первоначально коммунизм должен был распространиться по всему миру стихийно (подобно проповеди Евангелия) через ряд социалистических революций. Даже коммунистическое пожелание — Миру мир! — выраженное графически в виде герба, есть не что иное, как старая авраамическая идея, состоящая в том, что, если использовать исламскую терминологию, весь мир подразделяется на дар аль-харб и дар аль-ислам — землю войны и землю мира. С исчезновением «неверных» не с кем будет и воевать¹.

Однако, как оказалось, «неверные» в своих странах не спешат устраивать социалистические революции, а внутри самого Советского Союза, конечно, существуют «свобода, равенство и братство», но, как и раньше, лишь для правящего класса, пусть и класс этот теперь другой. «Эллины» и «иудеи» не очень-то хотят смешиваться в один народ, даже мужчины и женщины не стремятся расставаться с мещанскими предрассудками и буржуазной нравственностью.

И все же возникновение и развитие СССР позволило во многом смягчить, «социализировать» внутригосударственные отношения не только в нем самом, но и в Европе и даже в США. Восьмичасовой рабочий день, отпуск, всеобщая пенсия и прочее — во многом заслуга именно Советского Союза, вслед за которым и капиталистические государства были вынуждены становиться более социальными. В конце двадцатого столетия в России даже стали говорить о так называемом скандинавском «социализме». Такое смешение понятий — социализм и социальное государство — а также глобализация и другие процессы в конце концов привели к размыванию ранее однозначных понятий. Так, например, в некотором роде «социалистическими» стали капиталистические скандинавские страны и, наоборот, коммунистический Китай во многом развивается по капиталистическим принципам.

Перестал ли Китай из-за своих инноваций быть государством социалистическим? Это вопрос из области политологии и политической философии. Для нашего исследования более интересен социальный аспект. Благодаря указанным выше историческим процессам и закономерностям, вероятно, можно сказать, что требования, предъявляемые гражданами к социальному государству, более или менее одинаковы для всех стран, а степень их исполнения сейчас скорее зависит от механизмов государственного исполнения и типа экономики, а не от политического строя, то есть все государства примерно одинаково «социальны» и различаются лишь уровнем благосостояния. С осторожностью можно сказать, что восприятие степени «социальности» в России больше связано с понятием благосостояния, и сограждане во многом просто хотели бы механически перенести к нам плоды тех или иных социальных механизмов, подобно иностранному автомобилю или компьютеру, который — если есть средства — можно просто приобрести и настроить. Однако ресурсы напрямую в социальные принципы не конвертируются. Чтобы понять почему, обратимся к библейским истокам.

Размышления о социальном государстве — царстве справедливости начинаются в Ветхом Завете с момента исхода евреев из Египта. Именно тогда возникает знаменитое выражение «братья и сестры». Подобная формулировка направлена прежде всего против «рабского сознания», усвоенного евреями в Египте. С течением времени эта формулировка привела к другой — «каждый в ответе за каждого. Построение социального государства начинается в книге «Исход» с так называемых законов Моисея. Для нашей темы особенно интересны два из них — закон о юбилейном годе и запрет на ростовщичество (Исх. 22:25). Закон о юбилейном годе направлен против рабства: если некий человек за долги попал в рабство, то на седьмой год его или ее положено отпускать на свободу, а долг простить. С этим же связан и запрет на ростовщичество как на меру, усугубляющую экономическую и социальную несправедливость.

Интересно, что запрет на ростовщичество до сих пор сохраняется в иудаизме и исламе (по отношению к своим). Формально он существует и в христианском законодательстве: каноническое право говорит о том, что мирянин, занимающийся ростовщичеством, должен быть отлучен от церкви, а священник запрещен в служении. Однако уже в Средние века в Европе или ко времени Иоанна IV² в России этот запрет был фактически отменен. Сначала юридически — проценты были

1 Об этом подробнее см.: Собко Р.В. Реформация 1517 и революция 1917: проблема преемственности // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2018. № 16. С. 449—457.

2 Иоанн Грозный был последним из правителей, кто запрещал «понеделный рост» и устраивал «субботние» годы — отсрочки по возврату долгов.

представлены как штраф за несвоевременный возврат внесенной суммы, а затем и формально — на христианские законы просто перестали обращать внимание¹.

Закон о ростовщичестве и временном характере рабства был призван уменьшить обнищание богоизбранного народа и социальное расслоение внутри общества Израиля. С понятием рабства и справедливости для ветхозаветного богословия было напрямую связано и понятие личности как образа Божия, требующего уважения к каждому человеку. Так, например, хозяин мог наказывать и бить раба, но если он бы выбил ему глаз или зуб, то должен отпустить его на свободу, поскольку отнесся к нему как к вещи или предмету, а не как к человеку, временно находящемуся в стесненных обстоятельствах. За подобную же несправедливую жестокость в ветхозаветных текстах наказание следует для Содомы и Гоморры (к иноземцам) и Ассирии с Вавилоном (к пленникам).

В книгах пророков можно найти актуальное по сей день описание коррупции — взятки, несправедливые суды, произвол чиновников, политический пиар священников, отсутствие социальной поддержки беднейших слоев населения. Последующее разрушение государства — прямое следствие этой коррупции.

Грядущий иудейский мессия должен был установить именно справедливое царство, лишённое вышеперечисленных недостатков. Ради этого царства должен был измениться народ, оно не приходит видимым образом, а является плодом внутреннего изменения общества — об этом и многом другом говорится в Евангелиях.

Первоначально наступление царства справедливости ожидали в пределах одного-двух поколений, однако затем справедливое государство было отодвинуто за пределы человеческой истории. Теологическую смену парадигмы можно прекрасно выразить заменой идеи античного полиса с Нового Иерусалима на Рим (второй и третий)². Крест заменил имперского орла, а помазанник Божий — божественного императора. Фактически, христианство на долгое время законсервировало феодальные отношения, узаконив рабство и догматизировав социальное расслоение.

Некоторый прогресс в социализации общества был достигнут с началом эпохи Возрождения и затем с приходом Реформации — в религиозном смысле возвращению к истокам, к несомловному евангельскому учению, о чем было упомянуто выше. На территории Российской империи подобными процессами — пусть и весьма ограниченно — условно можно считать старообрядчество и начальный этап социалистической революции. Показательно, что форму и суть старообрядческих общин своими считают как протестантские, так и израильские исследователи.

Советское государство, с одной стороны, во многом воплотило понятие справедливости в социальный идеал, но, с другой стороны, из-за внутренней глобализации и унификации фактически уничтожило те робкие ростки общинной жизни, которые в виде земств и иных форм существовали в Российской империи. В определенном смысле СССР отбросил «российское» общество в первобытно-родовой строй, когда сограждане границей своей ответственности считают свое жилище и свою семью, а за пределами этой области ответственность на себя берет Бог, государство, царь, президент или иной выразитель патернализма. Именно поэтому СССР не оставил после себя ни сильного профсоюзного движения, ни реально действующих органов местного самоуправления³.

В отношении Советского государства интересно еще рассмотреть и практически решить проблему деловой этики. ВКП(б), а затем КПСС постулировали гегемонию рабочего класса и труд как основные принципы построения справедливого общества. На подобных принципах во многом строится и протестантская этика. Протестантские же приходы (так называемые *White communities*) во многом определяют политическую повестку США. С ними во многом связан и общественный институт репутации, практически отсутствующий в современной России.

В качестве вывода к этим размышлениям можно предложить следующий тезис: понятие социального государства более или менее одинаково почти для всех современных стран и воспринимается их жителями в качестве безусловного социального ориентира. Разница в подходах укоренена именно в общинной жизни (коммунализм) — выстраивать ли справедливое общество самим и вокруг себя или требовать этого от внешних сил и ожидать, когда оно придет «видимым образом

1 Хесус У. д. С. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. М.: Социум, 2008. С. 54.

2 Собко Р.В. Идеальное земное царство в Ветхозаветный и межзаветный периоды // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2014. № 12. С. 117—129.

3 См.: Париков, О.В., Собко Р.В. Прошлое, настоящее, будущее русской общины // Философские исследования и современность. М., 2019. С. 204—208.

(Лк. 17:20)»¹. Справедливость для обывателя — размытое философское понятие, поэтому общество нуждается в практическом воспитании на основании общепринятых императивов для формирования деловой этики.

Поляков Михаил Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

Философские и идеологические аспекты социального предназначения уголовного процесса

Успешная социальная политика России во многом зависит от эффективности системы законных правоохранительных инструментов, превентивно и постфактум защищающих общество от преступности. Важнейшим элементом этой системы является уголовное судопроизводство. Какие бы теоретические аргументы и идеологические доводы не приводились в противовес установке, полагающей уголовный процесс основным средством борьбы с преступностью, в какие бы мягкие словесные формулы (например, «компромисс с преступностью») не маскировали его исконную антикриминальную роль, каким бы хитроумным образом не выставляли оный покровителем и защитником преступников, — уголовный процесс не перестает быть непримиримым антагонистом преступности, сурово карающей десницей отечественного правосудия.

Именно эта роль, неотвратимо воздающая преступникам по заслугам, составляет существо подлинного социального предназначения уголовного процесса, выражающего глубинные народные мечты и надежды по общественной гармонии. Душевно-интуитивные народные чаяния, многовековая тоска по правде и справедливости вложены в уста народного киногероя Глеба Жеглова, хлестко сформулировавшего суть социального запроса в области борьбы с преступностью: «Вор должен сидеть в тюрьме».

В этой простой, но глубокой формуле закодирована не только задача органов предварительного следствия, но и возвышенное народное ощущение социального предназначения уголовного судопроизводства, вся философия и идеология народного понимания настоящего правосудия. Народ ждет от уголовного судопроизводства не просто посильных правоохранительных услуг, он жаждет антикриминальных чудес. И это не просто наивные народные притязания, навеянные душевными представлениями о неизбежном воздаянии злодеям. Это вполне предсказуемый отклик на предостережения одним членам социума и обязательства перед другими, которые некогда сформулировала сама система уголовного судопроизводства, взявшая на себя обязанность карать всех преступников и защищать каждого человека; защищать как от преступлений, так и от несправедливого судопроизводства. Тем самым государство в сфере борьбы с преступностью обязалось перед народом творить чудеса неотвратимости уголовной ответственности, причем обязалось на уровне закона. Напомним, что образ этого чуда советский уголовный процесс не стеснялся закреплять в тексте правовых норм. Часть 1 статьи 2 УПК РСФСР ставила перед уголовным процессом амбициозную задачу действовать так, чтобы «каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

Государственный замах на чудо — это не только выражение государственных властных амбиций, не только назидание потенциальным преступникам, это еще и законодательное воплощение социального предназначения уголовного процесса, нормативная фиксация образа, который наиболее адекватен общественным потребностям в сфере судопроизводства во все времена. И даже в новых, далеких от чудесных обязательств формулировках назначения уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ), даже в ауре безутешной статистики приостановленных уголовных дел и пессимистической атмосфере авторитетных сожалений о том, что «существуют уголовные дела, по которым истина не будет установлена никогда»², глубинный социальный запрос относительно предназначения уголовного судопроизводства не опускается с небес на землю.

Впрочем, приземлить генерируемые социальными потребностями чудесные устремления уголовно-судопроизводства иногда пытается сама юридическая наука. Распространенный ныне деконструк-

1 Об этом отчасти см.: Собко Р.В. Социально-антропологическое измерение феномена коррупции // Коррупция как угроза развития общества и государства: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. Н. Новгород: Белый цвет, 2020. С. 47—51.

2 См., напр.: Цветков Ю.А. Приостановить нельзя прекратить // Уголовный процесс. 2020. № 12. С. 11.